

Ричард III

Автор:

Елена Браун

Ричард III

Елена Давыдовна Браун

Цифровая история. Интеллектуальный бестселлер

Ричард III (1452–1485), пожалуй, самый известный и самый загадочный король Средневековья. Он долгие годы был верным вассалом своего старшего брата – Эдуарда IV Йорка (1461–1483), который верил Ричарду настолько, что перед смертью назначил брата регентом Англии и опекуном своих сыновей. Однако, почти сразу же после кончины Эдуарда IV с Ричардом произошла удивительная метаморфоза – он отстранил от власти, посадил в темницу, и, возможно, даже приказал убить вверенных его попечению детей. Царствование Ричарда III было очень недолгим, за два неполных года он не успел проявить себя как государственный деятель, и все же, он должен был остаться в памяти англичан как не самый плохой государь – он отменил введенные Эдуардом IV «добровольные» пожертвования в пользу короны и принял ряд прогрессивных законов. Методы, которыми Ричард пришел к власти, по меркам XV столетия, не выглядели по-настоящему аморально; а героическая смерть на поле боя (Ричард III стал последним английским монархом, погибшим в сражении), могла бы сделать из него героя. Тем не менее, уже через несколько десятилетий Ричарда III стали считать злодеем и предателем. Шекспир описал его как кровавого тирана, клятвopепреступника и убийцу, «урода, горбатого и телом, и душой». Этот гротескный образ оказался настолько колоритным, что в буквальном смысле слова начал жить собственной жизнью. Быть может, именно благодаря отрицательному обаянию шекспировского короля, уже в начале XVII в. у Ричарда III появились первые защитники. Историки спорят до сих пор – одни провозглашают Ричарда образцом добродетели, другие называют его двуличным выскочкой и убийцей. Каким Ричард III был на самом деле? Почему у него настолько скверная репутация? Ответы попытаемся отыскать в этой книге.

Елена Браун

Ричард III и его время

Роковой король эпохи Войн Роз

© Браун Е.Д., 2020

© ООО «Яуза-каталог», 2020

Ричард III и его время

Роковой король эпохи Войн Роз

Предисловие

Ричард III Йорк – личность поистине уникальная. Несмотря на то что он правил Англией всего два года (с 1483 по 1485-й), его царствование стало для историков буквально яблоком раздора. К настоящему моменту «великий спор» о Ричарде III длится почти 500 лет, но дискуссия все еще продолжается. В XIX–XX вв. исследователи до хрипоты и личных обид спорили о том, виновен ли Ричард в убийстве своих племянников, травил ли он жену, планировал ли жениться на собственной племяннице и т. д. и т. п. Дело доходило даже до открытых ссор, маститые историки в буквальном смысле переставали здороваться друг с другом. С течением времени страсти несколько утихли, аргументы стали менее эмоциональными, однако по-прежнему существуют ричардианцы и антиричардианцы, по-прежнему одни провозглашают Ричарда III великодушным правителем, которого погубили собственные отвага и благородство, а другие – кровавым тираном.

Разумеется, современные историки знают о Ричарде III намного больше, чем ученые XVIII–XIX вв. За время дискуссии защитники Ричарда сумели доказать несостоятельность большинства предъявлявшихся ему обвинений, но им не удалось ни оправдать совершенный им государственный переворот, ни выяснить судьбу племянников Ричарда III – знаменитых «принцев в Тауэре». Казалось бы, здесь и следовало поставить точку, перестать спорить и решить, что истина, как это обычно бывает, находится где-то посередине. Ричард III не был ужасным тираном, но и ангелом он тоже не был; его действия не вписываются в современные представления о морали, но не выходят за рамки типичного для XV в. уровня жестокости. Однако остановиться на этом «среднем» уровне и описать царствование Ричарда III «без гнева и пристрастия» почему-то не получается. Каждый исследователь, взявшийся за создание биографии этого короля, либо начинает говорить об «аморализме Ричарда III» и «кровавом государственном перевороте» 1483 г., либо ревностно становится на его защиту. Наверное, именно в этом и кроется секрет обаяния последнего из Йорков – к нему невозможно остаться равнодушным.

Стоит отметить, что массовое сознание неравнодушно к Ричарду III несколько по-другому. О Ричарде Глостере знают все или почти все сколько-нибудь образованные люди, однако «расхожий» образ этого монарха не выходит за рамки одноименной трагедии Шекспира. Само имя Ричарда III вызывает в памяти освещенные факелами готические своды, интриги и тайные убийства, предательства и кровавые ушибы.

Достижения защитников Ричарда III известны в основном профессионалам и немногим любителям истории, для большинства он по-прежнему остается «шекспировским злодеем». Безусловно, сейчас мало кто допускает, что исторический Ричард III был в точности таким, каким его описал великий драматург, есть же, в конце концов, сценические условности, жанровое своеобразие литературного произведения. Но то, что настоящий Ричард III почти совершенно не походил на своего сценического двойника... для большинства людей эта мысль кажется кощунством и посягательством на высшие авторитеты.

В студенческие годы автору довелось столкнуться именно с таким восприятием проблемы. Через несколько дней после сдачи статьи о коронации Ричарда III в университетский сборник раздался звонок разгневанного научного редактора. Сотрудница издательства просто не могла поверить, что какая-то студентка всерьез утверждает, будто Ричард III имел вполне приятную внешность. В это

время останки Ричарда III еще не были найдены, а ссылки на хроники и свидетельства очевидцев показались редактору откровенно смехотворными. В финале нашей беседы сотрудница издательства с нескрываемым презрением осведомилась: «Вы что, даже Шекспира не читали?!» Именно после этих слов у автора впервые появилась самонадеянная мысль написать биографию Ричарда III. С тех пор прошло много лет, однако создание биографии последнего короля из династии Йорков по-прежнему представляется делом, требующим определенной смелости.

Главное затруднение состоит в том, что Ричард III отнюдь не обделен вниманием историков. В британской и американской историографии существует несколько фундаментальных, по-хорошему дотошных биографий этого монарха. Более того, царствование Ричарда III рассматривается почти в каждой работе, посвященной политической истории Англии второй половины XV в., а таких работ не одна сотня. О последнем короле из династии Йорков писали немцы, французы, поляки и даже японцы. Активно действует международное «Общество Ричарда III», проводятся регулярные конференции, выходит научный журнал «Ричардианец».

В России ситуация несколько хуже. Из произведений, более или менее близких к XV в., русскоязычному читателю доступны всего два – одноименная трагедия Шекспира и крайне тенденциозная «История Ричарда III» Томаса Мора. Научная историография также выглядит не слишком впечатляюще. Ричарду III посвящена шестая глава классической монографии М.А. Барга «Шекспир и история». Его правление освещается в нескольких книгах о Войнах Роз. Не так давно на русский язык была переведена книга Питера Хеммонда «Ричард III и битва при Босворте». Вскоре в серии ЖЗЛ должна появиться книга Вадима Устинова.

И все же еще одно исследование о жизни последнего монарха из династии Йорков имеет смысл. Как правило, историки пишут именно о короле. В среднестатистической биографии из 320 страниц Ричарду Глостеру посвящено страниц пятьдесят, все остальное – подробнейший рассказ о правлении Ричарда III. На деле соотношение было обратным – Ричард захватил трон в 30 лет и правил всего два года. Эта книга не о короле, а о человеке. Она представляет собой попытку воссоздать жизненный путь Ричарда III, проследить его необычную, в полном смысле слова трагическую судьбу и показать, как и почему король, пользовавшийся вполне рядовыми для XV столетия политическими методами, постепенно был превращен в монстра.

В образе Ричарда III история и драма, факты и мифы переплелись столь причудливо, что начинать лучше именно с мифа. Прежде чем обратиться к жизни настоящего Ричарда III, попытаемся взглянуть в черты той гротескной маски, которую мы привыкли принимать за его настоящее лицо. Может быть, мы рассмотрели ее недостаточно внимательно? Может быть, и шекспировский Ричард окажется не тем злым, но, в сущности, очень несчастным человеком, которого мы видим на современных театральных подмостках?

Глава 1

«Урод, горбатый телом и душой»[1 - Так Ричарда III называет один из героев драмы «Генрих VI» - лорд Клиффорд.]. Ричард III в произведениях Шекспира

Сценический Ричард III - персонаж хорошо известный и, если можно так выразиться, вполне доступный. Для того чтобы познакомиться с ним, не нужно идти в библиотеку за специальной литературой или разбираться в документах XV в. - вполне достаточно взять с полки томик Шекспира или купить билет на одну из современных постановок одноименной трагедии. Однако именно эта простота и создает главное затруднение, ведь тот Ричард III, которого мы можем увидеть на театральной сцене, имеет не так уж много общего с персонажем классической шекспировской трагедии.

Театр - это живое и постоянно меняющееся искусство, он должен говорить со зрителем о том, что интересно и важно именно сейчас и, разумеется, на понятном ему языке. Со времен Шекспира изменились не только декорации, но и трактовка персонажей. Современные постановки Ричарда III показывают не преступления этого монарха (нынешнего зрителя «кровавыми деяниями» удивить очень непросто), а развитие его личности. Актеры пытаются выяснить, почему Ричард Глостер стал убийцей и тираном, ищут объяснения в его физических недостатках, тяжелом детстве и непонимании окружающих[2 - Именно такого, по-своему несчастного и страдающего, Ричарда III играет Константин Райкин на сцене «Сатирикона»]. В результате «современный» Ричард III вызывает не осуждение, а жалость; зритель понимает, что это был несчастный человек, с детства лишенный любви и потому сам не способный испытывать добрые чувства.

В «психологической» версии Ричарда III его действия – всего лишь отражение душевных порывов, поэтому в памяти остается лишь самая общая картина: Ричард Глостер был горбатым уродом, он совершил государственный переворот, убил своих малолетних племянников и совершил еще несколько более мелких преступлений, каких, не столь уж важно.

Для зрителей XVI в., и прежде всего для самого Шекспира, все выглядело совершенно иначе. Ричард III был не абстрактным злодеем, жившим в незапамятные времена; все отлично знали, что этого ужасного тирана сверг с престола дедушка ныне царствующей королевы Елизаветы. В конце XVI в. пьеса о Ричарде III была, наверное, так же актуальна, как для современного российского зрителя постановки о Сталине или Хрущеве. Единственная и очень существенная разница заключалась в том, что никакой разногласия в оценке правления Ричарда III во времена Шекспира не было и быть не могло – власти следили за этим очень жестко.

К тому моменту, когда Шекспир начал создавать свои пьесы, миф о Ричарде III был уже полностью сформирован. Придворным историкам Тюдоров понадобилось меньше пятидесяти лет, чтобы превратить обычного, в сущности, короля в некий отрицательный эталон. Эта интереснейшая трансформация человека в монстра будет подробно проанализирована в заключительных главах, а пока имеет смысл просто принять тюдоровский миф как данность. На некоторое время выведем «пропагандистский» образ Ричарда III из зоны критики и не будем обращать внимания на многочисленные исторические несоответствия.

Итак, историки первой половины XVI в. «установили», что последний король из династии Йорков был тираном, совершил множество преступлений и, наконец, отличался удивительным уродством. Фактически это был готовый материал для драматургов – тот самый идеальный злодей, наличие которого так украшает любое литературное произведение.

Известно, что Шекспир не был профессиональным историком, его знаменитые «Исторические хроники» – это пьесы, в которых воспроизводились всем известные исторические факты во всей известной последовательности. Произведения Шекспира пользовались бешеной популярностью не потому, что он по-своему интерпретировал историю Англии, совсем наоборот. Огромное большинство шекспироведов полагают, что у драматурга не было собственных, оригинальных исторических воззрений. И тем не менее многих английских

королей мы представляем именно такими, какими их описал Шекспир. Гениальному драматургу удалось нечто гораздо более важное, чем открытие нескольких новых фактов – он вдохнул жизнь в сухие строки хроник и исторических трудов. Созданные им образы Генриха V, Генриха VI, Ричарда III внутренне логичны и доведены до драматического совершенства, это почти живые люди.

В случае Ричарда III имеет смысл сделать еще одно уточнение – шекспировский Ричард Глостер действительно почти как живой и... почти как человек. Дело в том, что описанный Шекспиром злодей человеком не был, а был ни больше ни меньше как квинтэссенцией вселенского зла, потусторонним созданием, посланным в мир для того, чтобы Англия познала все ужасы тирании и гражданской войны.

Такое утверждение вызывает законное недоверие. Одно дело – злодей и тиран, враг царствующей династии, и совсем другое – исчадие Ада. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, попробуем, опираясь на материалы трагедий «Генрих VI» и «Ричард III», восстановить жизненный путь шекспировского Ричарда Глостера.

Итак, все началось с того, что в 1452 г. у благородных и достойных родителей – герцога Ричарда Йорка и его супруги – родился третий ребенок. Шекспир описал рождение Ричарда Глостера так, чтобы у зрителей не осталось ни малейших сомнений – этому созданию уготована самая ужасная судьба. Появление Ричарда на свет сопровождалось множеством зловещих предзнаменований:

Когда рождался ты, сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спустился на трубу зловещий ворон,
И хор сорок нестройно стрекотал.

Однако знаменами дело не ограничилось – шекспировский Ричард Глостер появился на свет недоношенным и к тому же «вперед ногами». На взгляд современного человека, эти обстоятельства настолько банальны, что попросту не заслуживают отдельного упоминания. Во времена Шекспира все обстояло

иначе. Преждевременные роды и неправильное положение плода рассматривались как нарушение сложившегося, Богом данного порядка вещей. В Средние века и в раннее Новое время все, что выходило за привычные рамки, объясняли вмешательством сверхъестественных сил. Если речь шла о чем-то благом, то говорили о Божьей воле или об ангелах. Все злое, включая болезни, неурожаи, и в том числе появление недоношенных, т. е. нежизнеспособных, детей, объясняли происками Сатаны.

Рождение ногами вперед – также весьма зловещий знак, предвещающий ребенку трудную, несчастливую жизнь. В XVI в. в истинность этой «приметы» верили даже образованные люди. Сами роды Шекспир описывает как очень тяжелые: «Мать твоя... страдала больше, чем матери другие...» По-видимому, эта деталь была призвана подчеркнуть общую неестественность, неправильность появления на свет будущего великого злодея.

Но и это еще далеко не все. Родившийся «до срока» младенец был таков, что возникали серьезные сомнения в его принадлежности к человеческому роду. Вместо обычного ребенка на свет появился «бесформенный, уродливый комок... с зубами». При этом Шекспир сразу же уточняет, что зубы – это не просто зловещая деталь, это знак: «С зубами ты родился в знак того, что в мир пришел, чтобы терзать людей».

В совокупности картина создается жуткая, до боли напоминающая завязку фильма ужасов: мрачный средневековый замок, стены которого содрогаются под порывами бури, тяжелые роды, и вот, под завывание собак и крики воронья, на свет появляется уродливое существо, которое и младенцем-то не назовешь.

К тому же это существо ведет себя так, как нормальному ребенку не положено – оно сразу же начинает есть твердую пищу: «Через два часа после рожденья мог корку грызть...» Логично было бы предположить, что такой зубастый и прожорливый младенец должен быстро расти, но получается как раз наоборот. Устами матери Ричарда III Шекспир утверждает, что «в младенчестве он был такой заморыш, так плохо рос...».

Еще одной несообразностью Ричарда-младенца являлось его поведение. Шекспир не вдается в детали, он отмечает, что ребенком тот был «злым и своенравным». В данном случае речь явно идет о чем-то большем, чем детские шалости или сложный характер. В беседе с сыном мать Ричарда горестно восклицает: «Ты вышел в мир и, как Бог свят, мир для меня преобразился в Ад...»

Затем она просит сына: «Припомни-ка хотя единый час, когда бы от тебя я знала радость». На это Ричард честно отвечает: «Не помню».

Пытаясь представить себе Ричарда III в раннем детстве таким, как его описал Шекспир, мы видим необычайно уродливое, злобное, прожорливое и в то же время хилое существо, которое самим фактом своего существования отравляет жизнь матери. Любопытно, что редкий по силе эмоциональный эффект достигается без всякого привлечения новых фактов. Просто то, что историки XVI в. осторожно называли слухами и домыслами (рождение Ричарда с волосами и зубами, зловещие знамения и прочее)[3 - Например, Томас Мор отмечает: «люди говорят», будто Ричард III родился с зубами во рту, и, возможно, эти люди «по злобе болтают лишнего».], Шекспир передает как непреложную истину и, как правило, гиперболизирует. Созданный такими средствами облик Ричарда-младенца кажется настолько гротескным, что невольно заставляет искать какие-то сказочные, фольклорные параллели.

На первый взгляд, мысль об использовании элементов народной демонологии в образе Ричарда III может показаться излишне смелой, однако не стоит забывать о том, что именно в XVI столетии антиведовская истерия в Европе достигла своего пика. В Англии, Франции и других странах люди верили, что духи зла и их слуги ежеминутно вмешиваются в жизнь истинных христиан; сотни женщин и мужчин сжигали на кострах по самым абсурдным обвинениям. Происками ведьм объясняли эпидемии, гибель посевов и даже войны. Для того чтобы понять, каких масштабов во времена Шекспира достигал страх перед ведьмами, достаточно привести несколько строк из демонологического трактата Тиффорда, вышедшего в свет в 1593 г., т. е. фактически одновременно с «Ричардом III». Один из героев этого построенного в форме диалогов сочинения говорит: «Когда я выхожу в сад, я пугаюсь, поскольку все время вижу зайца, который, как подсказывает мне мое сознание, является ведьмой или каким-то ведьминым духом – так пристально он смотрит на меня. Иногда я вижу мерзкую ласку, пробегающую через мой двор, а иногда в амбаре мне попадается большой облезлый кот, который мне также подозрителен».

Нелишним будет подчеркнуть, что массовые преследования ведьм в Англии начались как раз во времена Шекспира. В 1563 г. был принят закон против колдовства, за которым последовало множество судебных процессов. В то самое время, когда Шекспир писал свои «Исторические хроники», людей сжигали на кострах за то, что они якобы кормили демонов собственной кровью, колдовством уничтожали посевы, собирались на шабаш, наводили порчу и вступали в

сексуальные отношения с Дьяволом. Англичане были уверены, что все эти преступления совершаются на самом деле, такой же неопровержимой реальностью для них было и существование персонажей народной и ученой демонологии.

Шекспир, разумеется, не мог остаться вне представлений эпохи, напротив, он достаточно широко использовал фольклорные демонические образы. В качестве примера можно привести хоты бы хрестоматийных ведьм из «Макбета». Любопытно, что макбетовские ведьмы обладают полным набором фольклорных черт – они летают по воздуху, наводят порчу на людей и животных, варят зелья и предсказывают будущее. Знаменитая «тень отца Гамлета» также отсылает нас к миру грез. Изрядная доза мистики присутствует и в драмах, посвященных Войнам Роз – герцогиня Глостер занимается вызыванием духов; несчастья героев, как правило, объясняются тем, что кто-то наслал на них проклятие, персонажи пророчествуют, видят вещие сны и т. п.

Череду примеров можно было бы продолжать довольно долго, главное, что наличие фольклорных мотивов в произведениях Шекспира позволяет предположить – драматург вполне мог придать Ричарду-младенцу сходство с неким сказочным демоническим персонажем. И такой персонаж действительно есть – это так называемый ребенок-подменыш, т. е. существо, которым черти или феи заменили настоящего человеческого младенца. Подменыш из британских легенд обычно отличается каким-то уродством, очень часто это горб на спине или сухая рука (оба эти элемента присутствуют в облике Ричарда III). Подменыш ведет себя агрессивно, он постоянно кричит, не дает родителям ни минуты покоя и непрерывно требует пищи. Однако человеческая еда не идет впрок дьявольскому созданию, он постоянно болеет и почти не растет. Наконец, в первые же дни после рождения у подменыша вырастают все зубы (Ричард уже родился с зубами).

Разумеется, в данном случае речь идет именно о сходстве, а не о тождестве. Шекспировский Ричард III всего лишь похож на подменыша, но в XVI в. такие намеки вещь вовсе не безобидная и, тем более, не случайная. Шекспир ясно говорит своим зрителям – в Ричарде-ребенке было что-то дьявольское, это не нормальный младенец, а выходец из потустороннего мира.

Детство и юность Ричарда III в «Исторических хрониках» попросту отсутствуют, если не считать короткой фразы матери будущего короля: «Ребенком ты был злым и своенравным, а в юности – бесстрашным, дерзким, наглым». Впервые

Ричард III появляется на сцене в конце второй части «Генриха VI». Описанные в ней события относятся к 1455 г. Несмотря на то что историческому Ричарду III в то время было всего 3 года, шекспировский персонаж выглядит вполне взрослым – он на равных участвует и в битве на мечах, и в словесных перепалках.

При чтении «Генриха VI» сразу же обращает на себя внимание то, что Ричард показан в драме очень статично. Исходный текст Шекспира мало способствует современным психологическим трактовкам – герой не развивается, зрители с самого начала знают, что перед ними злодей, убийца и властолюбец. Ричард едва успевает произнести первые две реплики, как его обзывают «кучей злобы», «гнусным недоноском», «уродом, горбатым телом и душой». В дальнейшем ситуация остается стабильной – Ричарда ругают гораздо чаще и жестче, чем других персонажей. Тематика оскорблений довольно однообразна – в огромном большинстве случаев они касаются внешности Ричарда III.

Шекспировский Ричард Глостер действительно дает повод для таких насмешек – в его облике нет ни одной привлекательной или хотя бы обычной черты – все искажено и изломано. Даже простое перечисление физических недостатков Ричарда впечатляет – это огромный горб, кривые плечи, высохшая левая рука, необычайно малый рост, хромота и, наконец, злое, уродливое лицо. В первой же сцене трагедии «Ричард III» ее главный герой дает себе поистине убийственную характеристику:

Я, слепленный так грубо, что уж где мне

Пленять распутных и жеманных нимф;

Я – у кого ни роста, ни осанки,

Кому взамен мошенница природа

Всучила хромоту и кривобокость;

Я, сделанный небрежно, кое-как

И в мир живых отправленный до срока

Таким уродливым, таким увечным,

Что лают псы, когда я прохожу.

В современном человеке такая картина вызывает сочувствие, мы предполагаем, что перед нами несчастный беспомощный инвалид, жалующийся на свою судьбу. Однако весь сюжет «Генриха VI» и «Ричарда III» показывает, что Ричард вовсе не беспомощен, наоборот, перед нами на редкость активный, испорченный, беспринципный и опасный человек. Очевидно, что, описывая внешность Ричарда III, Шекспир рассчитывал на принципиально иной художественный эффект.

Для зрителя XVI столетия увечья Ричарда – вовсе не повод для сострадания, это некое порочное клеймо. В те времена тело воспринималось как зеркало души. Телесная красота считалась символом душевного благородства, а любой недостаток обозначал испорченный характер. В русском языке до сих пор сохранилось расхожее выражение: «Бог знает, кого метит», – эта фраза как нельзя лучше выражает отношение к людям с нестандартной внешностью в Средневековье и раннее Новое время.

Миф о том, что Ричард III якобы был уродом, придумали именно для того, чтобы сделать вымышленные преступления этого монарха более достоверными. У Шекспира уродство Ричарда доведено до немыслимых, нечеловеческих пределов и выступает как зримый признак злобной, искалеченной души:

А ты не вышел ни в отца, ни в мать,

Но безобразный, мерзостный урод

Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,

Как ядовитых ящериц иль жаб...

Стоит подчеркнуть, что перед нами не просто описание отталкивающей внешности. В XVI в. жабы и ящерицы считались нечистыми существами. Жаба – классическая фигура возрожденческой демонологии, с этими животными связан целый пласт верований. Считалось, что ведьмы держат ручных жаб и кормят их собственной кровью, что жабы помогают ведьмам в колдовстве, что части тела жаб имеют сильные магические свойства. Для нас наиболее интересно то, что способность превращаться в жаб приписывалась ведьмам и колдунам, черти также очень охотно принимали этот облик. Иными словами, во времена Шекспира сравнение с жабой было фактически равнозначно обвинению в связи с нечистой силой.

Внешность шекспировского Ричарда III наводит на мысль о чем-то нечеловеческом по еще одной причине. Банальная логика подсказывает, что горбатый, кривобокий, хромотой мужчина с высохшей левой рукой должен иметь весьма ограниченные физические возможности. Выражаясь медицинским языком, это инвалид как минимум второй группы. Он конечно же может участвовать в политической жизни, плести интриги, отдавать приказы об убийствах, но сражаться и убивать он, скорее всего, не способен. Однако и в «Генрихе VI» и в «Ричарде III», Ричард Глостер расправляется со своими жертвами собственноручно. Да что там убийства, шекспировский Ричард участвовал во всех сражениях Войн Роз и, что самое интересное, показал себя отменным воином. Например, о битве при Босворте Шекспир пишет:

Нечеловеческие чудеса

Творит король, опасность презирая.

Он потерял коня, он бьется пешим,

В пасть к смерти рвется...

Еще раз подчеркнем: «чудеса» с мечом в руках творит тот, кто по всем законам физики и передвигаться-то должен был с трудом. Для человека это совершенно невозможно, но если допустить, что шекспировский Ричард – существо сверхъестественное, все становится на свои места. В XVI столетии даже дети знали, что «вся земля преисполнена демонами, и что демоны эти принимают необычайно уродливый, гротескный, иногда даже абсурдный, но, как правило, человекообразный облик»[4 - Изображения демонов, выполненные в позднее Средневековье и раннее Новое время, зачастую показывают совершенно фантастических существ, например, с глазами и ртами на коленях и локтях.]. Ученые демонологии трактовали уродство демонов как символ их злобы и неупорядоченности, нестабильности самой демонической природы. Народная традиция просто констатировала факт – если черти прикидываются людьми, их можно узнать по уродству (или в чрезвычайно редких случаях по неземной красоте). При этом сила демонического существа совершенно не зависит от формы его тела. Вполне вероятно, что, подчеркивая увечность Ричарда III, так очевидно не сочетающуюся с его воинскими подвигами, Шекспир намекал, что Ричард – это не просто тиран и убийца, это почти что демон, посланный на землю.

Собственно, в третьей части «Генриха VI» Ричард прямо заявляет о том, что не считает себя обычным человеком:

...Я не знаю

Ни жалости, ни страха, ни любви...

Раз небо мне дало такое тело,

Пусть Ад и дух мой также искривит...

Нет братьев у меня – не схож я с ними.

И пусть любовь... живет в сердцах людей

Похожих друг на друга, – не во мне.

Один я.

Бесспорно, в этих словах звучит отчаяние юноши, чья внешность настолько ужасна, что он чувствует себя изгоем. Однако в них есть и прямое обращение к силам зла, и добровольное, сознательное отречение от семьи и всего рода людского. В нынешнем толерантном обществе такими заявлениями никого не удивишь. Во времена Шекспира всем было ясно, что, обращаясь к Аду и отрекаясь от всего человеческого, Ричард попросту повторяется – нормальная жизнь в Европе была возможна только внутри христианского сообщества. Вне семьи верующих находились только слуги Дьявола, уничтожение которых являлось святой обязанностью каждого христианина.

Представим, что в конце XVI в. в Лондоне, поблизости от театра «Глобус», в котором Шекспир ставил свои пьесы, жил некий мистер Смит с внешностью Ричарда III и необычайно скверным характером. И вот однажды соседи случайно услышали, как он произносит нечто подобное. Дальнейшая судьба мистера Смита была бы трагической. На него донесли бы немедленно, приписав его колдовству все несчастья последних лет (сосед мистера Смита сломал ногу, у соседки мистера Смита случился выкидыш, а у других соседей все время болеют дети, урожай в этом году плохой и т. д.). Мистера Смита ждали бы тюрьма, пытки и, вполне вероятно, мучительная казнь (в последние годы правления Елизаветы на костер отправляли более 40 % арестованных по обвинению в колдовстве).

Стоит отметить, что не только сам Ричард III, но и другие персонажи «Исторических хроник» противопоставляют его человеческому роду. Например, будущая супруга Ричарда – Анна Невиль – прямо называет его Сатаной. Когда Ричард запугивает слуг, она восклицает:

Как! Вы дрожите? Страх вас обуял?

Увы! Не порицаю вас: вы – люди,

Слепит глаза людей вид Сатаны.

Такие высказывания повторяются постоянно на протяжении всего действия. Ричарда едва ли не в каждой сцене называют «Дьяволом», «Сатаной», «гнусным исчадьем Ада», «демоном», «нечистым духом», «василиском», «адским псом» и т. д. Шекспир буквально вдалбливает в голову зрителей устойчивую смысловую связку «Ричард Глостер = Дьявол». Думается, современники Шекспира выходили из театра вполне убежденными. Тем более что за несчастьями, которые обычно происходят вокруг тех, кто связан с нечистой силой, дело не стало. Шекспир блестяще показывает, что все кровавые драмы эпохи Войн Роз происходили при самом непосредственном участии Ричарда III.

Шекспировский Ричард Глостер начал свою «противоправную деятельность» с того, что подстегивал честолюбивые устремления отца и брата, толкал их к продолжению гражданской войны. По мнению Шекспира, именно Ричард убедил своего отца Ричарда Йорка свергнуть с престола «святого» короля Генриха VI Ланкастера.

Шекспир сообщает, что Ричард Йорк, который действительно имел больше прав на корону, чем царствовавший Генрих VI, предъявил права на престол и выступил против короля с оружием в руках. Но после того как Парламент признал Йорка наследником короны, его честолюбие было удовлетворено, и он поклялся верно служить Генриху VI. Гражданская война, казалось, прекратилась, и вот в этот-то момент сыновья и сторонники начали активно убеждать герцога Йорка добиться не призрачного права на наследование, а самой короны. Шекспир вкладывает решающие аргументы именно в уста Ричарда Глостера:

Ведь... Генрих незаконно трон присвоил...

Итак, к оружию! Отец, подумай,

Как сладко на челе носить корону...

...Не успокоюсь

Пока цветок свой белый[5 - Имеется в виду белая роза, считавшаяся геральдической эмблемой дома Йорков.] не окрашу

Холодной кровью Генрихова сердца.

Эти слова могли бы стать девизом шекспировского Ричарда III – единственными чувствами, которые он способен испытывать, стали чудовищное властолюбие и жажда отомстить тем, кто стоит между ним и тронном.

Итак, если верить Шекспиру, новый виток кровопролитной гражданской войны был начат во многом из-за подстрекательств Ричарда. Результаты его вмешательства не заставили себя долго ждать – в первой же битве погибает младший брат Ричарда – Рэтленд, которого Шекспир представляет еще ребенком, затем победившие сторонники Генриха VI казнят Ричарда Йорка.

Теперь сыновья Йорка начинают мстить за отца, причем первым о мести заговаривает именно Ричард: «Отмщу за смерть твою или умру... Должны мы... мстительной рукою начертать на шлемах вражеских молитвы наши». Мстительность Ричарда буквально не знает границ, уже над трупом человека, убившего его отца и брата, он восклицает:

Он, значит, мертв. Клянусь я, будь возможно

Ценой руки вернуть его мне к жизни

На два часа, чтоб насмеяться вволю,

Одной рукой отсек бы я другую...

Битвы следуют за битвами; чтобы подчеркнуть жуткий, братоубийственный характер Войн Роз, Шекспир вводит двух эпизодических персонажей – сына, убившего отца, и отца, убившего своего сына.

Любопытно, что в разгаре гражданской войны, когда его старший брат Эдуард IV только утверждается на престоле, отвоеванном у Генриха VI, Ричард уже планирует захват власти. Фактически его план состоит в том, чтобы погубить

всех, кто мешает ему стать королем. Готовящемуся вступить в брак Эдуарду IV Ричард желает, чтобы «не произошло от чресл его надежной ветви», и тут же сетует:

Все ж между мною и желаньем сердца, —

Коль даже сгинет линия прямая

Распутного Эдварда, – встанет Кларенс[6 - Речь идет о втором по старшинству сыне Ричарда Йорка – Джордже, герцоге Кларенсе.],

Иль Генрих[7 - Король Генрих VI Ланкастер.] с сыном юным Эдуардом...

Стоят меж мной и троном много жизней...

Что ж, я могу с улыбкой убивать...

Ужели так венца не получу?

Будь вдвое дальше он, его схвачу!

Сам Ричард объясняет желание властвовать тем, что других радостей в жизни у такого, как он, попросту нет:

Таков ли я, чтобы меня любили?

О, дикий бред – питать такую мысль!

Но раз иной нет радости мне в мире,

Как притеснять, повелевать, царить

Над теми, кто красивее меня, —

Пусть о венце мечта мне будет небом.

Всю жизнь мне будет мир казаться Адом,

Пока над этим туловищем гадким

Не увенчает голову корона.

Вроде бы в этом монологе Ричард показывает себя не монстром, а именно тем несчастным человеком с изломанной психикой, которого можно увидеть в

современных постановках трагедии. Запомним эту реплику Ричарда и вернемся к ней чуть позже, когда в него неожиданно влюбится красавица Анна Невиль.

Итак, Ричард решает пробиваться к трону. Очень скоро судьба предоставляет ему такую возможность. Гражданская война возобновляется, и Ричард начинает устранять одного соперника за другим. Первой жертвой его мстительности оказывается юный принц Эдуард Ланкастер, которого Ричард убивает после победы Йорков при Тьюксберри. Правда, в этом убийстве у Ричарда есть соучастники – несчастного принца закалывают все три сына Ричарда Йорка. Впрочем, Глостер все равно идет дальше своих братьев. Когда убитая горем мать принца Эдуарда – королева Маргарита – просит убить и ее, Ричард пытается оказать ей эту сомнительную «услугу». Его руку буквально в последний момент перехватывает старший брат. Слова, которыми королева Маргарита просит о смерти, весьма показательны:

Где ж дьявольский мясник?

Где богомерзкий Ричард? Ричард, где ты?

Как милостыню ты творишь убийство,

Не прогоняешь ты просящих крови.

Нельзя не отметить, что к этому моменту Ричард, во всяком случае на сцене, еще не сделал ничего, чтобы заслужить такую характеристику. Он всего лишь сражался в битвах, как и многие другие аристократы. Да, он убил сына Маргариты, но удары наносили и герцог Кларенс, и Эдуард IV. Между тем, когда королева обращается к Эдуарду и Кларенсу с просьбой прекратить ее страдания, она вообще не употребляет бранных выражений. Королева просит Эдуарда: «Сюда ударь, убийце я прощу», тот отказывается, и королева умоляет: «Исполни, добрый Кларенс, милый Кларенс!» Ненависть Маргариты Анжуйской именно к Ричарду кажется абсолютно немотивированной и нелогичной. Возможно, Шекспир хотел подчеркнуть – Ричард Глостер – злодей настолько высокой пробы, что вызывает инстинктивное отвращение; может быть, драматург намекал на некие неизвестные зрителям прошлые преступления Ричарда; а может быть, отношение окружающих к Ричарду Глостеру – это своего рода «аванс» за будущие злодеяния.

Первое, выражаясь современным юридическим языком, умышленное убийство шекспировский Ричард III совершает сразу же после расправы с принцем

Эдуардом Ланкастером. Он по собственной инициативе отправляется в Тауэр, чтобы покончить с низложенным королем Генрихом VI – последним, кто мешает безбедному существованию новой династии Йорков.

Сцена убийства Генриха VI – безусловно, одна из лучших в одноименной трагедии. В ней использована целая «обойма» не новых, но безотказно работающих ролевых клише:

Злодей, на чьих руках еще не высохла кровь сына, убивает безутешного отца.

Молодой преступник расправляется с человеком старым и немощным.

Великий грешник является в темницу святого, и тот пророчествует перед мученической кончиной.

На человека XVI в., да и на современного читателя, именно последняя, мистическая линия производит самое глубокое впечатление. Вместо того чтобы стать пассивной жертвой, Генрих VI окончательно расставляет смысловые акценты. В первой же реплике низложенного короля Ричард Глостер прямо уподобляется черту:

Да, добрый лорд... «Милорд» сказать бы надо.

Льстить грех, а словом «добрый» я польстил.

Ведь «Добрый Глостер» или «Добрый Дьявол» —

Одно и то же и равно нелепо.

Дальше – больше. Обменявшись с Ричардом несколькими фразами, Генрих VI впадает в пророческий экстаз, и зрителям становятся известны поистине ужасные вещи – низложенный король говорит о зловещих предзнаменованиях, сопровождавших рождение Ричарда, о сверхъестественных подробностях его появления на свет и предрекает чудовищные беды, которые этот человек принесет Англии:

И я пророчу: много тысяч тех,

Кто и крупницы страха моего

Теперь не знают, – много скорбных старцев,

И вдов, и горько плачущих сирот,

Отцов, лишенных сыновей любимых,

Жен, о мужьях рыдающих, детей,

Скорбящих о родителей кончине, —

Час твоего рожденья проклянут...

Предсказание пугает даже самого Ричарда, и тот спешит убить старика:

Умри, пророк, своей не кончив речи!

Мне суждено и это было также...

В Ад, в Ад ступай и расскажи, что я

Тебя послал туда...

Стоит отметить, что именно над телом Генриха VI Ричард отрекается от всего человеческого и заявляет о намерении уничтожить своих братьев, чтобы добиться трона.

Следующим звеном в цепи беззаконий, совершенных сценическим Ричардом III, становится его женитьба на дочери покойного Создателя Королей Уорвика[8 - Граф Уорвик был прозван Создателем Королей за то, что фактически посадил на трон нескольких английских королей – в конце 50-х гг. XV в. при поддержке Уорвика право на корону получил Ричард Йорк. Сын Ричарда Йорка – Эдуард IV – стал королем Англии при самом деятельном участии Уорвика. Наконец, в 1470 г. всемогущий граф поссорился с Эдуардом IV, бежал во Францию, вернулся оттуда с армией и восстановил на престоле Генриха VI Ланкастера.] – Анне Невиль. Шекспир практически не дает зрителям пояснений, отмечая, что этот брак был нужен Ричарду для захвата власти. В XVI в. такие пояснения и не требовались – все знали, что знаменитый Создатель Королей оставил своим дочерям огромное наследство. Немаловажное политическое значение имело и то обстоятельство, что Анна Невиль была вдовой принца Эдуарда Ланкастера. Добиваясь этого брака, Ричард показывает себя законченным циником, ведь он совсем недавно убил мужа и свекра своей невесты. Однако, с его точки зрения, это только делало ситуацию пикантнее:

Придется в жены взять

Мне младшую дочь Уорвика. Я, правда,

Убил ее супруга и отца...

Ха! Тем полней ей возьмешь потерю,

Став для нее супругом и отцом.

Современный зритель, узнав о намерении Ричарда жениться на Анне Невиль, скорее всего, предположит, что герцог Глостер попросту принудит женщину к браку. В самом деле, разве урод и злодей может по-хорошему уговорить выйти за него красавицу, мужа которой он буквально пару дней назад отправил на небеса? Чтобы еще больше затруднить его задачу, Шекспир заставляет Ричарда объясняться с предполагаемой невестой над гробом Генриха VI. Естественно, та начинает с проклятия убийце, плюет ему в лицо, но потом происходит нечто совершенно невероятное – уже к концу сцены Анна влюбляется в Ричарда III и принимает его кольцо в знак помолвки.

Такой поворот событий кажется абсолютно невыносимым, но Ричард с редким, поистине дьявольским красноречием уверяет Анну, что все убийства совершил только из безумной любви к ней:

...Возьми вот этот острый меч,

Пронзи им эту преданную грудь,

Исторгни душу, полную тобой,

Смотри, я жду смертельного удара,

О Смерти на коленях я молю.

Чего ты ждешь? Я Генриха убил,

Но виновата в том твоя краса.

Не медли же! Я заколол Эдуарда,

Но твой небесный лик тому виной.

Меч подними иль подними меня!

Покоренная столь страстными признаниями, Анна уступает.

А теперь вернемся к современной «психологической» трактовке образа Ричарда III. Если Ричард действительно глубоко страдал от недостатка любви, от того, что его уродство не дает ему жить нормальной человеческой жизнью, то после объяснения с Анной Невиль должен был наступить благотворный перелом. Действительно, свершилось чудо – Ричард любим, несмотря на все физические и душевные недостатки, несмотря на все преступления. Причем влюбляется в него не дурнушка или простолюдинка, а самая завидная невеста Англии – женщина молодая, красивая, знатная и богатая. Впереди счастливый брак, который должен хотя бы немного смягчить характер злодея. У Ричарда есть все основания для радости и гордости. И он действительно радуется... собственной изворотливости и гордится... самим собой:

Кто женщину вот этак обольщал?

Кто женщиной овладевал вот этак?..

Против меня – Бог, совесть, этот труп,

Со мною – ни ходатая, ни друга,

Один лишь Дьявол разве да притворство;

И вопреки всему – она моя!..

Нет, герцогство поставлю против пенса,

Что я досель не знал себе цены!

Ричард ни на секунду не теряет самоиронии. Он, конечно, обрадован и даже слегка увлечен, но не более того: «Она – моя, хоть скоро мне наскучит». Герцог почти презирает свою невесту за столь быструю перемену чувств. И очень быстро брак превращается в ад. Анна горько жалеет, что поддалась искушению, но уже ничего нельзя изменить.

Безусловно, поведение Ричарда говорит о черствости, о неспособности любить. Однако во времена Шекспира столь неправдоподобно быстрое обольщение Анны Невиль вполне могло восприниматься как лишнее доказательство дьявольской природы ее жениха. Ричард действует как классический демон-искуситель. И то, что он не выполняет ни одного из своих обещаний, только усиливает сходство.

Лживость Дьявола была, можно сказать, азбучной истиной демонологии; все знали, что Сатана никогда не помогает своим сторонникам, а если и помогает, его участие всегда оборачивается катастрофой.

Именно таков шекспировский Ричард – все, к чему он прикасается, превращается в прах. Едва добившись благосклонности Анны Невиль, Ричард с удвоенной энергией готовит гибель своего родного брата – герцога Кларенса. Глостер действует с редким лицемерием – он уверяет Кларенса в своей любви, громко возмущается его арестом, грозит отомстить за страдания брата и выжидает. В конце концов, удобный момент наступает – король Эдуард отдает приказ о казни Кларенса, но сразу же отменяет свое жестокое распоряжение. Готовый к такому развитию событий Ричард Глостер задерживает приказ о помиловании, а чтобы казнь состоялась немедленно, он подсылает к брату наемных убийц. Интрига разыгрывается с таким удивительным искусством, что Кларенс до последнего мгновения не верит, что убийцы действуют по приказанию его младшего брата. Даже поставленный перед фактом, он восклицает:

Неправда! Нет! Он так меня жалел,

Сжимал в объятьях и, рыдая, клялся

Любой ценою вызволить меня.

Заблуждается не только Кларенс – все верят в то, что Глостер непричастен к этому преступлению, тем более что он громче всех сокрушается о гибели брата и требует отмщения.

Ричард Глостер успевает как раз вовремя – почти сразу же после убийства Кларенса умирает и «добрый король Эдуард IV». Ричард становится лордом-протектором, теперь между ним и тронном стоят только два сына короля Эдуарда – мальчики 11 и 13 лет.

Государственный переворот Ричард III совершает не менее искусно, чем устранение Кларенса. Он виртуозно ведет двойную игру. Для начала он арестовывает и казнит родственников королевы, но заявляет, что это делается для блага принцев, на которых осужденные дурно влияли. Затем Ричард собирает Королевский Совет, якобы чтобы назначить день коронации Эдуарда V, и именно на этом совете велит арестовать всех придворных, которые сохранили верность молодому королю. Шекспир доводит ситуацию почти до абсурда –

участники злополучного Совета будто бы не подозревают о двуличии герцога Глостера. Например, лорд Гастингс, которого Ричард велит казнить в тот же день, уверен не только в дружбе герцога, но и в его безупречной честности:

Как нынче весел герцог, как приветлив!

Он меньше всех людей в крещеном мире

Любовь и ненависть таить способен.

Что в сердце у него – то на лице.

Для того чтобы оправдать аресты и казнь лорда Гастингса, Ричард III буквально ставит ситуацию с ног на голову. Он призывает мэра Лондона и объявляет, что был составлен заговор против жизни протектора и ему едва удалось спастись. Шекспировский Ричард III доходит до такого лицемерия, что напоказ «скорбит» о вынужденном решении казнить лорда Гастингса:

Как я его любил! Слез не унять!

Я мнил, что в целом христианском мире

Нет существа беззловнее, чем он...

Под маской добродетели искусно

Скрывал свою порочность он...

Его казнить мы вынуждены были,

Дабы спасти страну, спасти себя.

Только устранив всех возможных противников, Ричард наконец заявляет о своих претензиях на корону, но даже это заявление превращается в целую интригу. Сначала соратник Ричарда герцог Бэкингем появляется в ратуше и объявляет брак покойного Эдуарда IV недействительным, а его детей незаконнорожденными. Затем следует еще более шокирующее обвинение, затрагивающее честь матери Ричарда – сам Эдуард IV якобы также был бастардом. Шекспир блестяще описывает потрясенное молчание жителей Лондона и то, как подручные Бэкингема нарушают эту немую сцену криками: «Да здравствует король английский Ричард!»

Следующий акт политического фарса разыгрывается, когда мэр и олдермены Лондона в сопровождении ближайших соратников Ричарда приходят к нему, чтобы просить принять корону. Ричард Глостер выказывает подлинный актерский талант – он появляется на галерее своего дворца с молитвенником в руке, в сопровождении епископов, и, разумеется, придает лицу самое благочестивое выражение. Он делает вид, что не знает ни о «незаконности» детей Эдуарда IV, ни о своих «неопровержимых» правах на престол. Внешне ситуация выглядит почти безупречно – не Ричард захватывает власть; мэр Лондона и представители дворянства долго, почти униженно умоляют его взойти на трон.

Итак, мечты сбылись – Ричард III теперь законный король Англии. Казалось бы, он может перевести дух и насладиться властью, за которую пришлось так долго бороться. Все вновь оказывается совсем иначе. От супруги нового короля – Анны Невиль – зрители узнают, что его душа неспокойна, закоренелого злодея беспрестанно мучают ночные кошмары. Однако он не останавливается и непосредственно в день коронации планирует свои самые жестокие и безнравственные преступления – приказывает отравить жену и планирует вступить в новый брак с родной племянницей – дочерью Эдуарда IV принцессой Елизаветой.

Свадьба Ричарда и Елизаветы казалась невозможной прежде всего потому, что «жених» совсем недавно отправил на плаху родственников «невесты», буквально несколько дней назад объявил саму Елизавету, ее братьев и сестер незаконнорожденными, а потом отнял трон у младшего брата своей «нареченной». Однако главным препятствием должен был стать кровосмесительный характер союза. Конечно, в королевских семьях «родственные» свадьбы не были редкостью. Католическая церковь их запрещала, но получить разрешение на брак с двоюродной сестрой или двоюродной племянницей было вполне реально. Но женитьба на родной племяннице вряд ли могла получить одобрение церкви.

Второе преступление, задуманное Ричардом III в день коронации, было еще хуже. Едва сев на трон, Ричард начинает планировать убийство сыновей Эдуарда IV. Стоит подчеркнуть, что средневековое сознание не знало греха более тяжкого, чем детоубийство. Хуже этого могло быть только отречение от Бога. Но шекспировский Ричард III уже давно обращается не к Богу, а к Сатане, поэтому и смерть племянников рассматривает «функционально» – как эффективное средство укрепления собственной власти. Его шкала ценностей

настолько перевернута, что Ричард приказывает «устранить» принцев своему верному соратнику – герцогу Бэкингему. Ричард III как бы забывает, что отдает приказ об убийстве человеку, в жилах которого течет королевская кровь[9 - Герцог Бэкингем был одним из многочисленных потомков английского короля Эдуарда III.], одному из богатейших магнатов Англии. Задание не просто чудовищно, оно явно не по чину. Бэкингем приходит в ужас и просит время на размышление, но при дворе Ричарда для него уже все кончено, герцогу приходится бежать.

Тем временем Ричард III находит некоего Тирелла – беспринципного дворянина, страстно желающего выслужиться, и тот нанимает двух головорезов. Любопытно, что даже Тирелл – человек без чести и совести – не может говорить о смерти мальчиков без содрогания:

Такой постыдной богомерзкой бойней

Страна себя пятнает в первый раз.

...На что уж оба этих молодца

Кровавые собаки, мясники,

И то до слез растаяли, раскисли...

Слов лишась

От угрызений совести.

Большого совершить уже невозможно, даже Тирелл называет своего нанимателя «кровавым королем». Народ Англии ужасается невиданным преступлениям «богомерзкого тирана», «в... королевстве стон стоит и плач». И вот наконец появляется надежда на лучшее – Бэкингем поднимает восстание, а из Франции уже спешит избавитель – будущий король Генрих VII.

Последние дни шекспировского Ричарда III вызывают жалость. Ненавидимый всеми король отправляется на войну, окруженный только выскочками и сообщниками своих преступлений, «его друзья из страха в дружбе с ним», и даже родная мать шлет ему вслед проклятие:

Молюсь теперь я за твоих врагов...

Ты любишь кровь, в крови и утони,

Во сраме жил, кончай во сраме дни!

Ричард III еще успеваает подавить восстание Бэкингема и казнить своего бывшего соратника, но гибель короля предрешена. Проклятие матери сбывается – в ночь перед последней битвой к тирану приходят призраки всех тех, кого он погубил. Принц Эдуард Ланкастер, король Генрих VI, герцог Кларенс, казненные родственники королевы Елизаветы, лорд Гастингс, сыновья Эдуарда IV, Анна Невиль и Бэкингем кружат вокруг него и предрекают одно и то же: «Отчаяние и смерть!» Ричард просыпается в холодном поту и наконец ощущает запоздалые муки совести:

Я клятвы нарушал – какие клятвы!

Я убивал – кого я убивал!

И все грехи – ужасные грехи!

Отчаянье – никто меня не любит.

Умру, не пожалеет ни один.

И в ком бы мог я встретить жалость, если

Во мне самом нет жалости к себе?

Эта сцена – единственная, в которой Ричард испытывает душевную слабость, и единственная, в которой он не потусторонний монстр, а просто человек, которого ужасают собственные злодеяния. Однако человеческие чувства просыпаются в шекспировском Ричарде всего на несколько минут, очень скоро он восклицает:

Нет, не смутить наш дух пустыми снами!

Ведь совесть – вздор, о ней твердят лишь трусы,

Стращая тех, кто смел и кто силен,

Кулак – нам совесть, меч – вот наш закон!

Шекспировский Ричард III героически бьется в своей последней битве. Даже когда его войска начинают отступать, он отказывается бежать и кричит знаменитое: «Корону за коня!» Но его личная храбрость уже ничего не решает, в единоборство с Ричардом вступает Генрих Тюдор. Исход этой схватки известен заранее – еще святой король Генрих VI предсказал, что Тюдору суждено стать королем Англии; те же духи, которые перед битвой желали Ричарду III смерти, приходили и к Генриху VII и предсказывали его победу. В драме Шекспира все просто и символично – самого ужасного тирана в истории Англии собственноручно убивает основатель новой династии. Деспот повержен, вся страна ликует, Генрих Тюдор прощает всех сторонников Ричарда и призывает забыть о прошлом:

Нет больше распрей, кончена вражда,

Да будет мир на долгие года!

«Исторические хроники» Шекспира заканчиваются на такой мажорной ноте, что происходящее кажется нереальным. Дело вовсе не в том, что история вообще не кончается, а в том, что на самом деле все было не совсем так... или совсем не так.

Для того чтобы усомниться в реальности описанного Шекспиром, достаточно просто попристальнее взглянуть на биографические «факты» главного злодея английской истории. Итак:

- Ричард появился на свет вперед ногами под аккомпанемент целой серии ужасных знамений.
- Младенец был горбат, имел кривые плечи, ноги неравной длины, высохшую левую руку, малый рост и слабое здоровье. От других новорожденных его отличало также наличие вполне сформировавшихся зубов.
- Ричард был не обычным человеком, а каким-то дьявольским созданием – уродливым, необычайно прожорливым, удивительно злым и двуличным. Не случайно многие испытывали к нему инстинктивное отвращение.
- Едва ли не с раннего детства Ричард буквально бредил властью и желал получить английский трон любой ценой.

- Ричард стал идейным вдохновителем Войн Роз, убедив своего отца сместить с престола святого короля Генриха VI Ланкастера.
- Он участвовал во всех битвах Войн Роз и показал себя умелым, но исключительно жестоким воином.
- После битвы при Тьюксберри Ричард Глостер заколол принца Эдуарда Ланкастера и пытался убить его мать королеву Маргариту.
- Сразу же после этого сражения он с особой жестокостью убил старого беззащитного короля Генриха VI – на теле покойного нашли множество ножевых ранений.
- Прямо над гробом Генриха VI Ричард обольстил невестку покойного – Анну Невиль, на которой хотел жениться по политическим и корыстным мотивам.
- Ричард организовал убийство своего старшего брата – Джорджа Кларенса.
- После смерти короля Эдуарда IV Ричард велел арестовать и казнить родственников королевы и наиболее лояльных придворных.
- Ричард Глостер незаконно узурпировал английский трон.
- Он посадил в Тауэр, объявил незаконнорожденными, а затем приказал убить детей своего брата короля Эдуарда IV.
- Ричард III приказал отравить свою жену Анну Невиль и планировал жениться на родной племяннице – сестре убитых им мальчиков.
- Шекспировский Ричард лишил своего доверия герцога Бэкингема за то, что тот отказался осуществить убийство принцев. Герцог был вынужден бежать и поднять мятеж.
- Вся Англия устала от преступлений «кровавого тирана Ричарда» и с радостью приветствовала своего избавителя – благородного Генриха Тюдора.

Беспристрастный наблюдатель не может не отметить, что нарисованный Шекспиром образ – это откровенный гротеск. Даже если опустить фантастические детали и эмоциональные оценки, оказывается, что Ричард III виновен во всех беззакониях эпохи Войн Роз, он главный двигатель и почти что олицетворение этого конфликта. Шекспировский Ричард умудрился принять деятельное участие во всех политических преступлениях 50— 80-х гг. XV в., причем большая часть политической элиты до последнего момента не догадывалась, что он стремился узурпировать трон.

Сомнения вызывает прежде всего та исключительная, нечеловеческая ловкость, с которой герой Шекспира обделывает свои дела – он обладает преступной, по меркам эпохи, внешностью, скверным характером, он постоянно интригует и убивает, а английские лорды смотрят на его действия с почти детским изумлением и понимают, кто он такой, только после убийства принцев. Злоба, черствость, двуличие и властолюбие шекспировского Ричарда III также абсолютно неправдоподобны. Шекспир создал гиперболизированный образ гениального злодея, который громоздит одно преступление на другое до тех пор, пока его не настигает Божья кара. Однако реальный король попросту не мог быть таким, каким он описан в «Исторических хрониках».

Сейчас мы с вами находимся именно в той точке, с которой начиналось движение ричардианцев. Историки и просто энтузиасты XVII–XIX вв. отталкивались именно от этой посылки – обрисованный Шекспиром монстр слишком ужасен для того, чтобы существовать в действительности. А теперь давайте разбираться с самого начала. Итак, настоящий Ричард родился...

Глава 2

Ричард Йорк и его супруга Сесилия (1415–1452)

Будущий король Ричард III родился 2 октября 1452 г. в Нортгемптоншире. Он был двенадцатым из тринадцати детей, которых Сесилия Невиль подарила своему мужу – всемогущему герцогу Ричарду Йорку. Современному человеку мысль о том, что владетельная герцогиня может родить тринадцать сыновей и дочерей, кажется по меньшей мере странной, однако для XV столетия в этом не было ничего необычного. Как правило, женщины рожали столько, сколько позволяла

природа. Появление одиннадцатого ребенка не было чем-то выдающимся, но красноречиво свидетельствовало о двух вещах – крепком здоровье матери и не менее крепком браке. К 1452 г. Ричард Йорк и его супруга были женаты уже более 13 лет, и тем не менее их отношения оставались достаточно пылкими.

Родители Ричарда III познакомились за 37 лет до его рождения – в 1415 г. В тот год английский король Генрих V решил возобновить Столетнюю войну с Францией и одержал блестящую победу в знаменитой битве при Азенкуре. Одним из частных результатов этого великого сражения стало то, что отец Ричарда III – четырехлетний Ричард Йорк остался круглым сиротой. Под Азенкуром погиб его последний близкий родственник – дядя по отцовской линии. Несчастье мальчика отчасти компенсировалось богатым наследством – дядя оставил ему титул герцога Йорка и огромные земельные владения на Севере Англии. В соответствии с обычаями того времени Ричарду быстро подыскивали опекуна. Заботу о воспитании сироты взял на себя его дальний родич – Ральф Невиль, у которого недавно родилась дочь Сесилия, впоследствии ставшая женой Ричарда Йорка и матерью героя этой книги.

Все детство и юность Ричард и Сесилия провели в замке Ральфа Невилля на севере Англии. Романтически настроенные историки полагают, что их любовь началась едва ли не в детской. Этот вариант нельзя исключать, но сохранившиеся документальные свидетельства настолько скудны, что оставляют место для любых предположений. Вполне вероятно, что Сесилия и Ричард действительно присматривались друг к другу. Дело в том, что в Средние века в знатных семьях было принято отправлять мальчиков на воспитание к друзьям или дальним родственникам; предполагалось, что это даст молодым людям необходимый жизненный опыт и одновременно позволит укрепить связи между дворянскими кланами. Как правило, юноши на всю жизнь сохраняли теплые отношения с бывшими воспитателями, очень часто союз семей закреплялся браком.

Возможно, Ральф Невиль с самого начала планировал выдать дочь за богатого и знатного воспитанника, однако в действительности свадьбу сыграли гораздо позже – в 1438 г., когда жениху было уже 27 лет и он совершенно не зависел от бывшего опекуна. В Средние века люди взрослели рано, и в двадцать семь Ричард Йорк считался зрелым мужчиной. Он действительно успел многое повидать.

Началом самостоятельной жизни Ричарда Йорка можно считать его участие в путешествии девятилетнего Генриха VI во Францию в 1430–1431 гг. В 1432 г. по достижении полного совершеннолетия[10 - По законам того времени полное совершеннолетие наступало в 21 год.] Ричард Йорк вступил во владение своими землями. Он стал, пожалуй, самым богатым человеком в Англии. Напомним, что смерть дяди по отцу принесла Ричарду герцогский титул и громадные земельные владения в Йоркшире. В 1425 г., после смерти дяди по матери, Ричард Йорк унаследовал земли Мортимеров – графство Марч и графство Ольстер.

На протяжении следующих двух десятков лет карьера герцога Йорка складывалась вполне успешно. В силу своего происхождения он стал одним из членов Королевского совета, в котором, впрочем, не играл заметной роли. В 1433 г. Ричард Йорк был посвящен в рыцари ордена Подвязки, а в 1436-м занял пост генерал-лейтенанта Нормандии. Эта должность оказалась не только доходной, но и весьма хлопотной.

Для Англии 30—50-е гг. XV в. были самым неприятным периодом Столетней войны. Англичане постепенно теряли земли во Франции, завоеванные в предыдущие годы. Нельзя сказать, что это было время сплошных неудач, но все затеи англичан на континенте, что называется, выходили боком. В 1430 г. англо-бургундским войскам удалось захватить в плен Жанну д'Арк, но инквизиционный процесс против нее шел не слишком успешно, убедительных доказательств связи Жанны с нечистой силой найти не удалось, а мужественное поведение Девы во время суда и казни лишь подтвердило ее репутацию святой. Коронация юного Генриха VI в соборе Парижской Богоматери, задуманная как альтернатива коронации Карла VII, также не принесла политических дивидендов, так как ее провели с нарушением устоявшихся правил (в Париже, а не в Реймсе и без применения специального священного елеса). Военные успехи были под стать политическим – англичане не смогли противостоять избранной Карлом VII партизанской тактике.

В результате площадь земель, подконтрольных Англии, неуклонно сокращалась. К 1436 г. почти вся Нормандия была охвачена восстанием. Ситуация осложнялась тем, что главный союзник англичан – герцог Бургундский – в 1435 г. перешел на сторону Франции и начал осаду одного из важнейших «английских» городов на континенте – Кале. Существовал также ряд серьезных внутривнутриполитических проблем – политическая нестабильность, трудности со сбором налогов, наконец, нехватка денег и солдат.

Однако все эти объективные соображения англичан попросту не интересовали. Со времен Эдуарда III английская армия неизменно одерживала победы, все прекрасно помнили триумфальный французский поход Генриха V, помнили договор в Труа 1420 г., по которому Генрих V становился регентом Франции. Большинство жителей Англии свято верили, что юному Генриху VI суждено продолжить славные завоевания его отца, а новые победы – это лишь вопрос времени и, возможно, смены командования.

В этой ситуации молодой и решительный Ричард Йорк казался почти идеальным военачальником. Для борьбы с партизанским движением он прибег к тактике выжженной земли, жестко подавил антианглийские выступления, ему даже удалось захватить несколько французских городов. И тем не менее главная цель не была достигнута – добиться решительного перелома в войне не удалось. Дабы оправдать свое бессилие, Ричард Йорк объявил, что во всем виновато плохое снабжение, из Англии присылают слишком мало подкреплений. К 1438 г. герцог Йорк отчасти разочаровался в войне на континенте и проводил в Англии больше времени, чем во Франции.

Именно в этот период он наконец решил вступить в брак. По меркам эпохи это был довольно поздний союз – Ричарду Йорку исполнилось 27 лет, Сесилии Невиль – около 24. Обычно юношей и девушек из благородных семей сговаривали в раннем детстве, а настоящую свадьбу играли в подростковом возрасте. Возможно, Ричард Йорк не торопился с женитьбой, так как у него не было близких родственников, которые могли бы «надавить» на него в этом отношении. Впрочем, богатый мужчина в Средние века считался завидным женихом как минимум до 40 лет.

Для женщин ситуация складывалась менее благоприятно. 16–17 лет считались оптимальным возрастом для появления первого ребенка, но встречались и более ранние роды. Например, Маргарет Бофор родила будущего Генриха VII всего в 14 лет, и это вовсе не казалось современникам странным или неправильным. Долгое девичество, напротив, воспринималось негативно. 24-летняя Сесилия Невиль была признанной красавицей, носила весьма лестное прозвище «розы», обладала завидным приданым, но тем не менее считалась слегка перезрелой невестой. Так, в знаменитых «Кентерберийских рассказах» Чосера можно найти следующее суждение:

Смаку нет в той женщине,

Которой двадцать лет

Уж минуло...

Выбирая невесту, Ричард Йорк, как практически все люди того времени, руководствовался в первую очередь материальными интересами, что вовсе не исключало существования иных, более понятных современному человеку мотивов. В любом случае брак Ричарда Йорка и Сесилии Невиль оказался на удивление удачным.

Лучшим доказательством этого служит тот факт, что супруги практически не расставались, Сесилия повсюду следовала за своим мужем. Безусловно, идеальная жена должна была вести себя именно так, однако на практике немало женщин оставалось дома, контролируя положение дел в имениях и воспитание наследников. География рождений детей Ричарда и Сесилии Йорк может служить своеобразной летописью супружеской преданности. Первые два ребенка (Анна и Генрих) появились на свет в Англии в 1439 и 1441 гг. В 1442 г. Сесилия последовала за своим супругом во Францию. Эдуард (будущий король Эдуард IV), Эдмунд и Елизавета появились на свет в Руане. В 1446, 1447 и 1448 гг. в Англии родилось еще трое детей – Маргарита, Уильям и Джон. В 1449 г. Ричард Йорк был назначен наместником Ирландии, там увидел свет Джордж, будущий герцог Кларенс. После возвращения в Англию, в 1450 г. родился Томас, в 1452 г. – Ричард (будущий Ричард III), а в 1455 г. – Анна.

Между тем карьера отца семейства начала давать сбои. В 1439 г. Англия и Франция приступили к переговорам о мире. С этого момента Ричард Йорк, имевший репутацию последовательного сторонника продолжения войны, оказался в оппозиции. Он по-прежнему настаивал на усилении гарнизонов и получении новых средств, так как это соответствовало его личным убеждениям, приносило широкую общественную поддержку и, наконец, позволяло увеличивать собственные доходы.

Необходимо подчеркнуть, что Ричард Йорк вовсе не был злодеем, цинично наживавшимся на национальных интересах, его действия невозможно оценивать по современным моральным критериям. В XV в. любая государственная должность служила прежде всего источником личного обогащения. Все без исключения чиновники того времени действовали в первую очередь в личных интересах, и если бы Ричард Йорк нарушил это правило, его сочли бы сумасшедшим, неспособным к государственной деятельности. Итак,

постоянно требовавший подкреплений и новых военных действий Ричард Йорк превратился в очень неудобного персонажа. Английское правительство начало отдавать предпочтение более лояльному капитану Гиени герцогу Сомерсету. Сомерсет не одержал ни одной заметной победы, не пользовался популярностью в Англии, но его равнодушие к войне в данной ситуации превратилось в существенное преимущество. В итоге в 1445 г. Ричард Йорк потерял пост генерал-лейтенанта Нормандии и вынужден был вернуться в Англию.

Сохранившиеся источники говорят о том, что Ричард Йорк был человеком спокойным, может быть даже инертным, но потеря столь хлебной должности не могла его не разозлить. К тому же обстоятельства складывались так, что ему попросту пришлось включиться в политическую борьбу. Герцог Йорк вернулся в страну, в которой вновь начиналась борьба за регентство.

«Первый раунд» этого конфликта состоялся в 1420–1430 гг., когда за фактическое управление страной при малолетнем Генрихе VI боролись его дяди – Хемфри, герцог Глостер и Джон, герцог Бедфорд. К несчастью для Англии, по мере того как юный король подрастал, становилось ясно, что он не унаследовал политических и военных талантов своего отца, более того, оказался абсолютно неспособен к управлению государством. С раннего детства Генрих был слабым и нелюдимым ребенком. С возрастом в нем все ярче проступали черты душевной болезни, унаследованной от деда по материнской линии – короля Франции Карла VI Безумного.

Карл VI (1368–1380—1422) был сумасшедшим в самом прямом, клиническом смысле этого слова. Властелин Франции сошел с ума в возрасте 24 лет. Во время одной из военных экспедиций рассудок Карла VI помутился, и он внезапно набросился с мечом на своих спутников, приняв их то ли за врагов, то ли за чертей. Вплоть до самой смерти король переживал постоянно повторяющиеся приступы безумия, во время которых он воображал себя стеклянным сосудом. Чтобы его случайно не разбили, Карл VI облачался в доспехи и запрещал придворным и врачам приближаться к себе.

Болезнь Генриха VI выражалась менее бурно – король был до абсурда благочестив, по-детски простодушен и инфантилен. Он проводил многие часы в молитвах, погружался в душевспасительные размышления в самых неподходящих местах, и придворным не раз приходилось подхватывать корону, падавшую с монаршей головы. Генрих VI также категорически противился любому кровопролитию, доходя в своем милосердии до нелепости. В качестве

примера достаточно привести следующий показательный случай, описанный современником короля Блэкменом. Однажды Генрих VI увидел подвешенные на воротах Лондона останки человека, казненного за государственную измену. По обычаю того времени, преступник был повешен, снят с виселицы еще живым, утоплен, а затем четвертован. Король был настолько далек от жизни, что не понял, на что он смотрит. Придворные пояснили, что это труп преступника, повешенного за измену королю. Услышав это, Генрих в ужасе вскричал: «Уберите это! Я никогда не хотел, чтобы кто-то из христиан был так жестоко наказан!»

Первый приступ помешательства, во время которого Генрих VI перестал осознавать окружающую реальность, случился в августе 1453 г., но и до этого момента душевные качества молодого короля делали его простой игрушкой в руках придворных. Еще в 20—30-е гг. XV в. во время борьбы герцогов Бедфорда и Глостера при дворе сформировались две группировки, которые современники называли «партиями». Сторонников Бедфорда можно условно обозначить как «придворную партию», так как именно Бедфорд в конечном итоге был назначен регентом, а его соратники заняли большую часть придворных должностей. Наиболее заметными членами «придворной партии» были канцлер Англии епископ Бофор и Уильям де ла Поль граф Саффолк. После смерти Бедфорда в 1435 г. именно они стали править Англией.

Если Бофору и Саффолку удалось завоевать симпатии придворных и короля, то Хемфри Глостер был очень популярен среди лондонцев, которые прозвали его «добрым герцогом Хемфри». Народная любовь к герцогу Глостеру была вызвана в первую очередь его резкими антифранцузскими высказываниями. В то время как «придворная партия» все больше склонялась к мысли о мире, герцог Глостер при полном одобрении большинства англичан призывал продолжить дело Генриха V и во что бы то ни стало покорить Францию. Еще одной причиной популярности Хемфри Глостера были его изысканные увлечения. Герцог покровительствовал ученым, писателям и поэтам, увлекался изучением античной философии и литературы, наконец, он собрал огромную по тем временам библиотеку и передал ее в дар Оксфордскому университету. Одним из сторонников Хемфри Глостера был молодой Ричард Йорк.

В 1444 г., когда Ричард Йорк еще находился во Франции, в политической борьбе в Англии произошел решительный перелом. «Придворная партия» смогла наконец добиться заключения англо-французского перемирия на два года. Как отмечает Н.И. Басовская, этот договор был выгоден прежде всего французскому

королю, который использовал мирную передышку для реорганизации армии и подготовки к более решительным военным действиям. «Придворная партия», разумеется, рассчитывала на совершенно иное развитие событий. В планы Бофора и Саффолка входило подписание полномасштабного мирного договора на условиях сохранения английских Нормандии и Аквитании.

Закрепить предполагаемый мирный договор должен был династический брак между Генрихом VI и племянницей французского короля – пятнадцатилетней красавицей Маргаритой Анжуйской. Инициатором брака Генриха VI был граф Саффолк, который лично ездил во Францию за королевской невестой. Помимо прочего, лидеры «придворной партии» надеялись, что живой и деятельный характер Маргариты поможет хоть немного расшевелить ее безвольного жениха. Однако и в этом Бофор и Саффолк просчитались. Состояние здоровья Генриха VI после свадьбы не улучшилось, а союз с француженкой был воспринят большинством англичан едва ли не как оскорбление. Молодая королева действительно попыталась убедить своего дядю заключить мирный договор с Англией. Не без ее влияния в 1445 г. в Англию прибыло французское посольство. Тогда же непримиримый сторонник продолжения войны с Францией Ричард Йорк был лишен поста генерал-лейтенанта Нормандии. По большому счету, политика «придворной партии» была вполне логичной, однако общественное мнение восприняло все это как предательство интересов Англии.

В сложившейся ситуации отстранение Ричарда Йорка от участия в войне было крупной политической ошибкой – он вернулся на родину как герой и немедленно развернул пропагандистскую кампанию, обвиняя Саффолка и королеву Маргариту в том, что они «продают» Нормандию французам. Это было тем проще сделать, что переговоры о мире провалились – их итогом стало всего лишь продление перемирия.

Вскоре у сторонников Хемфри Глостера появился еще один повод для обвинений. Почти сразу же после приезда Маргариты Анжуйской в Англию поползли слухи, что молодая королева излишне благоволит к графу Саффолку. Возможно, сплетня соответствовала истине. Брак Маргариты и Генриха VI являл собой совершенно бесперспективное сочетание огня и кислого молока. Королева слыла одной из первых красавиц Англии – современники восхищались ее золотистыми волосами, выразительными глазами, прекрасным цветом лица и изящной фигурой. Она сочиняла неплохие стихи, прелестно пела и отлично одевалась. К этому следует добавить жесткий, неженский ум, образованность и редкую силу характера. По иронии судьбы мужем этой восхитительной женщины

стал человек робкий, недалекий, откровенно странный и чудовищно нелепо одетый. Никакой этикет не мог удержать придворных от насмешек над мешковатыми камзолами и бесформенными, растоптанными ботинками короля.

В том, что Генрих VI обожал свою жену, нет ничего удивительного, но королева вряд ли отвечала ему взаимностью. Некоторые британские историки полагают, что Маргарита Анжуйская покровительствовала лорду Саффолку, так сказать, издалека. Точных данных на этот счет нет, но совокупность косвенных доказательств выглядит весьма внушительно. Помимо устойчивых слухов необходимо учитывать довольно свободные нравы, царившие при дворе отца Маргариты – Рене Анжуйского, и сомнительные мужские качества Генриха VI. К тому же граф Саффолк был полной противоположностью несчастного короля – неплохой полководец и знаменитый турнирный боец, он был способен при случае щегольнуть изысканным французским мадригалом. Современный человек вряд ли сможет, не кривя душой, осудить шестнадцатилетнюю девушку, которую по политическим соображениям выдали замуж за душевнобольного. Мораль XV в. была куда строже – опозоренный муж мог безнаказанно убить неверную жену. К счастью для Маргариты, Генрих VI оказался очень покладистым супругом – он полностью доверял своей жене, а неприятные слухи попросту пропускал мимо ушей.

Разумеется, сторонники Хемфри Глостера и Ричарда Йорка это доверие не разделяли. Они без обиняков говорили все, что думали об «истинных» причинах успеха Уильяма Саффолка и нравственности королевы. Ответные действия «придворной партии» были весьма жесткими – Ричард Йорк был исключен из Королевского совета. Более того, в 1447 г. Хемфри Глостер был арестован и помещен в Тауэр под откровенно надуманным предлогом – дядю короля обвинили в государственной измене. Через несколько дней герцог Глостер был найден в своей камере мертвым. Историки спорят, было ли это убийство, или смерть пятидесятилетнего аристократа имела естественные причины. Жители Лондона высказались куда более определенно – горожане открыто обвиняли в смерти «доброго герцога Хемфри» Саффолка и Маргариту Анжуйскую.

В том же 1447 г. скончался кардинал Бофор. Лидером «придворной партии» и почти что правителем королевства стал граф Саффолк. Как любой другой временщик, он стремился упрочить свое положение, получив как можно больше должностей и земельных пожалований. Королевская чета с охотой шла навстречу всем его требованиям – Саффолк был назначен лордом-камергером и

адмиралом Англии, возведен в герцогское достоинство, к нему перешло управление несколькими королевскими замками и манорами.

Стоит отметить, что «пирог», который делили между собой влиятельные лорды, вовсе не был бесконечным. Чем больше доставалось герцогу Саффолку и его сторонникам, тем сильнее становилась критика оппозиции. После смерти Хемфри Глостера лидером оппозиционеров сделался Ричард Йорк. По праву рождения герцог Йорк должен был стать одним из ближайших советников короля. Между тем на 1447 г. он не только не имел значимых придворных должностей, но даже не входил в Королевский совет. Именно вопиющая несправедливость сложившейся ситуации вынудила Йорка взять на себя роль главы «партии войны» и приступить к активным действиям. Немаловажную роль в данном случае играли и финансовые соображения.

Дело в том, что на закате Средневековья жизнь английского аристократа была вовсе не беспечальной. С одной стороны, появилась мода на роскошный, почти разорительный образ жизни. Одежда лорда обязательно должна была блистать золотом, серебром и драгоценными камнями, замки принято было обставлять изысканной мебелью и украшать дорогими безделушками. Мода требовала содержать целый штат трубадуров, устраивать грандиозные празднества и пиры, где можно было увидеть и миниатюрные города из выпечки, и жареных птиц, вновь одетых в перья, и даже пироги, внутри которых играл небольшой оркестр. При этом существенно сократить расходы было невозможно – тратить меньше, чем другие магнаты, считалось величайшим позором.

С другой стороны, доходность крупных дворянских имений непрерывно падала, и даже самый богатый человек Англии – Ричард Йорк – не мог жить по средствам. Единственным способом как-то свести концы с концами были государственные должности, открывавшие широкий простор для узаконенной коррупции. Потеряв дополнительный источник доходов, герцог Йорк оказался в весьма затруднительном финансовом положении.

К несчастью для «придворной партии», обиженным почувствовал себя не только Ричард Йорк, но и его многочисленные сторонники. Если бы в «партию» Йорка входили только он сам, его ближайшие родственники и несколько друзей, это объединение можно было бы считать вполне безобидным. На деле к йоркистам могла причислить себя как минимум четверть английского дворянства.

В XV столетии в Англии существовала система социальных связей, внешне напоминающая древнеримскую клиентелу. На смену традиционным феодальным отношениям, в которых сеньор мог рассчитывать только на своих непосредственных вассалов, пришла более сложная структура. Магнаты охотно покровительствовали дворянам, не связанным с ними вассальными обязательствами, причем это покровительство могло выражаться в любой форме – от классического пожалования земель за службу до денежных субсидий и юридической поддержки. В англоязычной историографии эту систему именуют бастардным феодализмом (the bastard feudalism), русскоязычные исследователи традиционно используют несколько саркастическую, но тем не менее емкую формулировку – «феодализм ублюдочный».

В существовании этой системы были заинтересованы все слои дворянства. Как уже отмечалось выше, борьба за придворные должности для магнатов была вопросом финансового выживания. Чтобы увеличить свое политическое влияние, аристократы, естественно, нуждались в сторонниках. Они формировали так называемые ливрейные дружины, в которые входили зависимые от них люди, слуги и, наконец, вооруженные наемники. Но главной основой могущества любого лорда была поддержка части дворянства. В ответ магнат использовал свою близость к королю и должностное положение для «решения» проблем своих подопечных.

Между тем проблем в жизнь английского дворянина хватало. Земельные отношения в этот период были крайне запутанными, и почти каждая дворянская семья вела одну или несколько земельных тяжб. Официальное, королевское правосудие очень часто оказывалось неэффективным, поэтому семья вынуждена была искать обходные пути. Прежде всего, дворяне пытались найти союзников, то есть семьи, имеющие сходные земельные интересы. Девизом джентри XV в. вполне могла бы стать расхожая фраза «враг моего врага – мой друг». В начале любого конфликта джентри стремились узнать, кому еще насолил, например, Джон Смит, и нельзя ли объединиться, чтобы мстить г-ну Смиту совместно. К разбирательству подключались родственники с обеих сторон и те, кто помогали этим родственникам в других конфликтах. В результате в каждом графстве складывались неформальные объединения, члены которых поддерживали друг друга и в юридических процессах, и в нередких в то время силовых акциях. В середине XV в. дворянская группировка вполне могла силой занять или разграбить спорные земли; ограбить и избить «оппонента», захватить его в плен и держать на хлебе и воде, вынуждая подписать письменный отказ от спорной собственности, разогнать арендаторов и т. п. Все эти вещи были повседневной реальностью, поэтому выжить вне системы дворянских союзов было абсолютно

невозможно. Также невозможно было пресечь беззакония, поскольку каждая группировка имела влиятельного покровителя среди лордов.

Лорды, в свою очередь, объединялись в группы, сцементированные родственными, имущественными и политическими интересами. После смерти Хемфри Глостера Ричард Йорк в силу разветвленных родственных связей, военных и политических заслуг оказался главой такого клана, поэтому задевать его было очень опасно. Герцог Йорк лишился придворных должностей, а его «партия» лишилась доступа «наверх». В результате были ущемлены интересы заметной части дворянства. «Придворная партия» не могла не понимать, что «ответ» неизбежен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Так Ричарда III называет один из героев драмы «Генрих VI» – лорд Клиффорд.

2

Именно такого, по-своему несчастного и страдающего, Ричарда III играет Константин Райкин на сцене «Сатирикона».

3

Например, Томас Мор отмечает: «люди говорят», будто Ричард III родился с зубами во рту, и, возможно, эти люди «по злобе болтают лишнего».

4

Изображения демонов, выполненные в позднее Средневековье и раннее Новое время, зачастую показывают совершенно фантастических существ, например, с глазами и ртами на коленях и локтях.

5

Имеется в виду белая роза, считавшаяся геральдической эмблемой дома Йорков.

6

Речь идет о втором по старшинству сыне Ричарда Йорка – Джордже, герцоге Кларенсе.

7

Король Генрих VI Ланкастер.

8

Граф Уорвик был прозван Создателем Королей за то, что фактически посадил на трон нескольких английских королей – в конце 50-х гг. XV в. при поддержке Уорвика право на корону получил Ричард Йорк. Сын Ричарда Йорка – Эдуард IV – стал королем Англии при самом деятельном участии Уорвика. Наконец, в 1470 г. всемогущий граф поссорился с Эдуардом IV, бежал во Францию, вернулся оттуда с армией и восстановил на престоле Генриха VI Ланкастера.

9

Герцог Бэкингем был одним из многочисленных потомков английского короля Эдуарда III.

10

По законам того времени полное совершеннолетие наступало в 21 год.

Купить: https://tellnovel.com/ru/braun_elena/richard-iii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)